

М. П. ПОГОДИН

Несколько объяснительных слов от издателя

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Помещение замечаний г-на Арцыбышева на Историю государства Российского составляло в Москве общий предмет разговора даже и не между литераторами. Журналист, хотя бы он лично и не принимал участия в таком деле, занимающем публику, должен сказать о нем свое мнение, и я предлагаю читателям еще несколько слов в дополнение к сказанному.

В объявлении о "М^{осковском} Вестнике" на 1828-й год обещаны были публике замечания на Историю государства Российского. Я предполагал тогда помещать свои; {О влиянии норманнов на Россию, -- взгляд на первый период российской истории -- о сказках, которыми он обезображен, -- об основании Российского государства сравнительно с другими европейскими государствами, -- разбор первой главы Истории государства Российского, -- о предисловии, -- о древнем Новгороде и проч.} но после, получив надежду заниматься российской историей в Академии наук при г. Круге, знаменитом обширною своею ученостию по сей части, я решился удержаться от них, чтоб после представить в виде совершеннейшем. -- Между тем мне должно было исполнить свое обещание перед публикою, и я обратился с просьбою к г. Арцыбышеву, которого многолетние труды и сведения известны всякому просвещенному любителю русской истории из разных статей, напечатанных им в журналах. -- От него я имел честь получить напечатанные мною в № 19, 20, 21, 22, 23 и 24 как начало, за которым последует продолжение, еще нигде не напечатанное. -- Тон рецензента мне не нравился, но я объяснял себе это явление не так, как большинство в нашей публике. Исследователь, смотрящий на историю преимущественно с критической точки, почти не может уже обращать равного внимания на другие ее свойства, и потому естественно должен говорить о ней иначе, нежели, например, светский человек, который ищет в ней только занимательного чтения, которому все равно, здесь ли должна стоять запятая в летописи или там, -- в пятидесятом ли году случилось происшествие или в пятисотом, -- Иоанн ли был главным актером или Иоанникий. Безделица раздражает такого исследователя, и такое раздражение напечатлевается даже и против воли -- в его замечаниях. И мало сколько посторонних обстоятельств могут иметь влияние на образ писания {В европейской литературе множество тому найдете вы примеров...}.

По сему соображению я думал, что публика -- противное ей в замечаниях г. Арцыбышева спокойно подведет хоть под категорию, что нет ничего на свете совершенного, а справедливое примет с благодарностию, -- наконец, что сии замечания подадут повод к рассуждениям pro et contra, от которых наука необходимо должна выиграть, которыми хоть сколько-нибудь определится достоинство Истории Карамзина, в продолжение двенадцати лет неопределенное, к стыду современной русской литературы, несмотря на громкие, но порожные клики безусловных почитателей.

Я думал так, но на деле вышло не иначе: большинство голосов между читателями осудило меня за помещение. С одной стороны, для меня это было приятно, ибо я увидел, что есть еще у нас и литературные, ученые дела, в которых может принимать живое, собирательное участие холодная публика; с другой -- напротив, и я в ответе моем на письмо представителя некоторых читателей, г-на Z., старался показать, с каких точек сам смотрю на Историю государства Российского и, следовательно, почему считаю за полезное помещать замечания г-на Арцыбышева и других. -- Для меня как для журналиста казалось постыдным стоять за углом при рассуждениях о таком деле, и я хотел принимать и на себя удары, направленные на г-на Арцыбышева, кроме одного отношения, о котором объяснился предварительно. -- Я очень чувствовал, что становлюсь в весьма невыгодное положение перед недобросовестными оппонентами, произнося несколько отрывочных мыслей, как бы мимоходом, о важном творении; но надеялся, что они, хоть вследствие моей оговорки {В начале: "До сих пор не осмелился произвести полного своего суждения об И<стории> Г<осударства> Р<оссийского>, давая время зреть моим мыслям, стараясь обогащаться опытом" и проч. и в конце: "никак не решился бы я, если" и проч.}, не перетолкуют их в дурную сторону.

Кажется, было очевидно, что "не осмеливавшись доселе произнести полного суждения", я тем более не произнес бы одних результатов, "если бы не вынужден был обстоятельствами". Однако ж этого не поняли или не хотели понять {Не говорю уже о том, что мне и в голову не могли прийти злонамеренные обвинения в неуважении к Карамзину после того, как всегда упоминаемо в